

ЛИЧНОСТЬ В «ТИСКАХ» ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Е. В. МАРЕЕВА

Аннотация

В статье анализируется проблема трансформации личности в условиях современной мозаичной культуры. Опираясь на работу А. Моля «Социодинамика культуры», автор показывает, что в отличие от университетской культуры XVII–XVIII вв., культуру XX в. в основном формируют средства массовой информации, чем задается ее мозаичный характер. В статье рассмотрена тенденция к массовой фрагментации личности на фоне развития виртуальных технологий, усугубляющих вытеснение свободы произволом, подмену критического мышления потоком впечатлений. Поверхностность и некритичность – характерные черты восприятия мира в наши дни не только обывателем, но и представителями интеллектуальной элиты. Такого рода личность стала формироваться уже в XIX в., о чем свидетельствует анализ души интеллигента в работе С. Кьеркегора «Или – или», в которой представлено множество интересов, в произвольной игре которых нет и не может быть внутренней связи. В статье показано, как встроен указанный тип личности в культурное пространство на основе потребления культуры как товара. В ней обсуждаются возможности гуманитарной экспертизы социальных сетей и их влияния на личность в современных условиях, когда адекватности такой экспертизы противостоят не только представители науки, совершенствующей эти технологии, но заинтересованные обыватели и реальный бизнес.

Ключевые слова: мозаичная культура, сетевое общение, фрагментация личности, индустрия культурных услуг, гуманитарная экспертиза.

Мареева Елена Валентиновна – доктор философских наук, профессор кафедры социально-философских наук Московского государственного института культуры.
e.v.mareeva@yandex.ru

Цитирование: МАРЕЕВА Е.В. (2017) Личность в «тисках» информационных технологий // Философские науки. 2017. № 4. С. 89–97.

Среду обитания современного человека ежечасно трансформируют постиндустриальные технологии. Потенциал этих технологий по большому счету еще не раскрыт, но и на этой стадии обнаруживается амбивалентность этого процесса, способствующего, на наш взгляд, как развитию, так и деформации человеческой личности. Информационные технологии, безусловно, расширяют наши возможности, но развивают ли они при этом наши творческие способности?

Научные и технические достижения конца XIX – начала XX вв. определили становление индустриального общества, где средоточием культуры стали промышленные города, превратившиеся в XX в.

в центры суррогатной «культурности», что у Х. Ортеги-и-Гассета ассоциировалось с «восстанием масс» [Ортега-и-Гассет 2016]. Одним из символов суррогата культуры он считал бульварную литературу. Сегодня технически грамотный обыватель сместил свои интересы в социальные сети. Массовый пользователь сетей «ВКонтакте», «Facebook» и пр., неустанно удовлетворяет свое любопытство. Он совершенствуется и расширяет возможности восприятия. Но существует мнение, что без духовной составляющей — это вырожденная технология чувств, площадка для суррогатного общения.

Виртуальные библиотеки, технологии Skype и Viber способствуют, кроме прочего, развитию и интернационализации науки и бизнеса. Штампом стало то, что виртуальные музеи, картинные галереи и т.д. делают доступными для масс шедевры прошлого и настоящего. То, к чему ранее приобщался узкий круг «аристократов духа», теперь открыто всем. Но чем и как при посредстве новейших гаджетов наполняет потребитель культурных услуг пространство собственной души?

Скептики брюзжат, повторяя, что многознание уму не научает и что «продвинутый пользователь» идет совсем не туда. Те, кто воспитан на философской и художественной классике, чувствуют себя в подобном культурном пространстве маргиналами. В социальных сетях они не у себя дома. Их собственный «дом» под названием «классическая культура» для многих опустел. Художественная литература как концентрированный жизненный опыт многими уже вынесена за скобки. В статье С. Климовой ставится вопрос о возможностях гуманитарной экспертизы научно-технических проектов, опасных для человечества [Климова 2017]. Актуальность такой постановки проблемы неоспорима. Но глобальный эксперимент над человечеством уже поставлен. Ж.-Ж. Руссо был прав, когда писал о том, что развитие наук и искусств породило несправедливость и превратило в норму пороки. Сегодня технологии на наших глазах порождают новый, суррогатный, тип личности. Достижения техники осваиваются обществом, в том числе, в превратной форме. Поможет ли найти из этого выход гуманитарная экспертиза? Как воплотить в жизнь рекомендации экспертов? И кто на сегодняшний день выступает в роли субъекта экспертной оценки, способного, кстати, представлять позицию все того же обывателя? Автор статьи надеется прояснить некоторые моменты данной проблемы.

В 1967 г. французский социолог и культуролог А. Моль в книге «Социодинамика культуры» противопоставил «гуманитарной культуре» прошлого «мозаичную культуру» настоящего. В некотором смысле оппозиция, сформулированная Модем, в те времена перекликалась с постмодернистским противопоставлением культуры модерна и постмодерна. Но в чем до изобретения «всемирной паутины» увидел Моль особенности «мозаичной культуры»?

Если «гуманитарная культура», сформировавшаяся к XVII–XVIII вв., пишет Мольте, была университетской, основанной на «свободных искусствах», классических языках и точных науках, то культуру XX в. уже формируют в основном средства массовой информации – телевидение, кинематограф, радио, газеты. В итоге если культура прошлого была упорядоченной и монологичной, то культура XX в. уже стала явным образом плюралистичной. Что касается наших дней, то многие негативные тенденции, отмеченные Мольте применительно к XX в., под воздействием новейших технологий, не исчезли, а даже усугубились. Современный человек в своем развитии продолжает идти от случайного к случайному. Даже успешно действуя, он руководствуется знаниями случайного происхождения. Знания современного человека, писал Мольте, утрачивают систематичность, и все больше похожи на «волоконистое образование или на войлок: знания складываются из разрозненных обрывков, связанных простыми, чисто случайными отношениями близости по времени усвоения, по созвучию или ассоциации идей» [Мольте 2008, 45]. Эти «обрывки» не образуют структуры, но они обладают *силой сцепления* в рамках индивидуального опыта и всей культуры, которой мы, собственно, и руководствуемся в своей жизни.

Понятие «мозаичная культура» у Моля имеет социологический характер. Для него важна общая картина происходящего. «Эта культура уже не является в основном продуктом университетского образования, то есть некоторой рациональной организации; она есть итог ежедневно воздействующего на нас непрерывного, обильного и беспорядочного потока случайных сведений. Мы усваиваем ее... через всю эту захлестывающую нас массу источников, от которых в памяти остаются лишь мимолетные впечатления и осколки знаний и идей. Мы остаемся на поверхности явлений, получая случайные впечатления от более или менее сильно воздействующих на нас фактов, но не прилагая ни силы критического суждения, ни умственных усилий» [Мольте 2008, 45].

Последнее замечание Моля насчет отсутствия критического мышления важнее всего. Ведь западная цивилизация на этапе ее восхождения делала ставку на технический прогресс как условие становления свободной, творчески мыслящей личности, что, начиная с античной эпохи, было неотделимо от ее способности к критике и самокритике.

Поверхностность и некритичность – характерные черты восприятия мира в мозаичной культуре. То же касается поликультурного среза жизни части общества. Французский постмодернист Ж. Лиотар в свое время акцентировал момент эклектики в сочетании элементов разных культур у обывателя XX в.: «Эклектизм является отличительной чертой всей современной культуры: человек слушает РЭГ,

смотрит вестерн, ест завтрак у Макдональда и обедает в ресторане с национальной кухней, пользуется парижскими духами в Токио и носит одежду стиля “ретро” в Гонконге; знание становится элементом телевизионных игр. Публика для эклектических произведений находится легко... Однако этот реализм “все возможно” на самом деле базируется на деньгах; при отсутствии эстетических критериев остается возможность — и не бесполезная — оценивать произведения искусства согласно той прибыли, которую они обеспечивают. Такой реализм примиряет все тенденции... подразумевая, что направления и запросы имеют покупательную способность»; цит. по: [Моль 2008, 45].

Если Моль усматривает истоки хаотического состояния культуры в характере технического прогресса, то Лиотар связывает ее эклектическое состояние со всеобщей коммерциализацией. Там, где главным критерием отличия плохого от хорошего и полезного от бесполезного оказывается прибыль, размываются все остальные критерии культуры. Отличие прекрасного от безобразного, доброго от злого, истинного от ложного, тоже решают деньги.

Таким образом, технический прогресс создает разные возможности. Меньшинство, которое имеет отношение к классической гуманитарной культуре, использует его достижения для развития науки, искусства и самого технического прогресса. Но это происходит на фоне эклектической и мозаичной культуры большинства. Противоречие между элитой и массой уже на новом техническом базисе сохраняется. И личность оказывается в этих условиях не гармоничным единством, а конгломератом порой несовместимых элементов. Единство личности и гармоничное сочетание в ней элементов разных культур фигурируют лишь в качестве идеологем в области политики и научной литературы, которые не отражают самой действительности.

Невооруженным глазом видно, как усугубляет эти процессы дальнейшее развитие технического прогресса. Современный «мозаично» воспринимающий человек, что констатируют и психологи, и культурологи, не столько мыслит, сколько «потребляет» информацию. И хаотический характер этого потребления, закрепляясь, превращается в навязчивую потребность, прежде всего, за счет социальных сетей, в которых, благодаря прогрессу, можно находиться непрерывно. Именно любопытство становится двигателем наполнения сознания хаотичной информацией.

Состояние сознания, связанного с жадой новых ощущений, описывал экзистенциалист С. Кьеркегор, который сравнивает ступени в духовной эволюции человека. В известном произведении «Или — или», он характеризует «эстетическое» состояние сознания. И здесь нужно вспомнить, что термин «эстетика» происходит от слова «aesthesis» (от греч. — ощущение, чувство). Только чувствами, согласно Кьеркегору, живет «эстетик». Но стремление к новым ощущениям, а в нашем

случае жажда новой визуальной информации, делает эстетика рабом обстоятельств. Жажда непрерывного потока новых ощущений связывает его по рукам и ногам. Душа эстетика, не устает повторять Кьеркегор, является рабой минуты. Она похожа «на почву, на которой с одинаковым правом на существование произрастают всевозможные травы: его “я” дробится в этом многообразии, и у него нет “я”, которое бы стояло выше всего этого» [Кьеркегор 1998, 277].

Мысль Кьеркегора вращается вокруг проблемы единства личности, распад которой, по его мнению, — одна из ужасных развязок в существовании человека. Само собой, что на целостность личности сегодня претендует, прежде всего, образованный человек, не только поглощающий информацию, но использующий ее в бесконечных виртуальных спорах и беседах. Кьеркегор описывает эстетика, который уже мнит себя аристократом духа. Речь идет об интеллектуалах середины XIX в., но этот тип личности, на наш взгляд, сегодня лишь обрел массовый характер.

Такого рода эстетик-аристократ, как пишет Кьеркегор, гордится богатством и разносторонностью натуры. И в этих разносторонних интересах его коренное отличие от того человека, который подчинен единственной страсти. Но как раз такой человек, с разбросанностью интересов и стремлением удовлетворить максимум желаний, оказывается, согласно Кьеркегору, ближе всего к распаду личности. А причина в том, что в его существовании отсутствует настоящая *свобода*.

Душа такого интеллектуала, пишет Кьеркегор, не знает подлинной объединяющей силы. Место единственной страсти в ней заняло множество интересов, но в их произвольной игре нет и не может быть внутренней связи, в которой нуждается духовная жизнь. Вместо свободы перед нами произвол. И это вырожденный тип личности, у которой есть запрос на интеллектуальность, но отсутствуют идеалы и принципы (1).

В этой ситуации суррогатом духовной жизни становится бесконечная болтовня по всевозможным поводам как способ самолюбования. Подобный «аристократ духа» в его современном исполнении — это человек, который любит рассуждать и спорить обо всем на свете и любит себя в этом процессе, не ведая границ. Здесь возможно многознание, но в душе этого человека нет того, что именуют «внутренним стержнем», который привносит в нее этическая составляющая, т.е. чувство долга. Что сказали бы о том человеке, который, собираясь заняться математикой, писал в свое время Герцен, потребовал бы прежде ясного изложения дифференцирования и интегрирования на понятном ему языке? В специальных науках вы редко услышите такие вопросы: страх показаться невеждой держит в узде. В философии дело другое: здесь никто не стесняется. Предметы ведь знакомые — ум, разум, идея и прочее. У всякого на этот счет ума палата.

Произвол как способ организации души у Кьеркегора — свидетельство ее болезни. Эту болезнь можно назвать «болезнью роста», которая преодолевается ответственностью за свои слова и действия. Здесь он видел переход от сознания эстетика к сознанию этика. А в дальнейшем, как считает Кьеркегор, силой, объединяющей личность, оказывается религиозная вера.

Кьеркегор характеризовал указанные типы, глядя на проблему как бы изнутри, с точки зрения эволюции индивидуального сознания. Для него не важен тот социокультурный контекст, который способен сделать эстетика, этика или религиозно настроенного человека доминирующей фигурой в обществе. Но именно эта сторона дела наиболее актуальна в наши дни, когда виртуальная реальность как венец прогресса служит тому, чтобы большинство превратилось в «эстетиков», и их личность рассыпалась в песок мгновений.

«Человек — это прежде всего проект, который переживается субъективно, а не мох, не плесень и не цветная капуста», — говорил Ж.-П. Сартр, имея в виду под «проектом» способность человека выходить за собственные духовные пределы, реализуя, тем самым, свою свободу. Уникальность древнегреческого полиса была в востребованности всесторонней и целостной личности, чему и служила система образования. Но такие возможности, как известно, были открыты меньшинству свободных граждан. Современная цивилизация радикально изменила эту ситуацию. Она расширяет возможности развития личности, прежде всего, технически, и в этом серьезный прорыв человечества. Но в большинстве своем, т.е. для большинства, эта возможность остается лишь формальной. И причина в социальных обстоятельствах, в которых наш современник присваивает богатства мировой культуры.

В обществе всеобщего потребления производство культуры существует, прежде всего, в качестве услуги и товара. И усвоение его потребителем в такой вещной форме не развивает способность, а удовлетворяет потребность. А в обществе, где рабочее время посвящено рутине, эту рутину компенсирует потребность в развлечении. Развлекают путешествия, от которых остаются вещные результаты — сувениры и фотографии. Развлекают социальные сети, от которых остаются поверхностные виртуальные знакомства и масса фрагментарной информации. Технический прогресс создает для этого все больше и больше возможностей. И такого рода употребление обычателем национальной и мировой культуры поощряется индустрией культурных услуг. Современное культурное пространство устроено так, что наполнение личности новыми влияниями совпадает с ее фрагментацией, а ее целостность и гармоничность оказываются общими словами. Но если человечество хочет выжить, пишет А. Моль в заключение своей книги «Социодинамика культуры», то оно должно

выработать новый образ мышления, организации которого должны содействовать средства распространения культуры.

Сегодня, напоминает Мольт, в силу общей неорганизованности культурного пространства пропаганде противостоит пропаганда, рекламе — реклама, и душа человека «превращается в поле сражения между всевозможными грубыми и схематичными лозунгами, вносящими хаос в умы и в совокупности усиливающими “мозаичный характер” культуры» [Мольт 2008, 370]. Выход из этой ситуации он связывал с возможностями новой философии как наследницы классического гуманизма и систематической университетской культуры. Особое внимание Мольт обращает на общественную собственность в отношении библиотек и других хранилищ духовного наследия человечества. Последнему следует придать универсальное звучание, поскольку соединение новых технических возможностей и классического понимания личности дает полноценный результат только там, где культура перестает быть товаром.

Но вернемся к вопросу о возможностях гуманитарной экспертизы в сложившихся обстоятельствах. Может ли она разорвать порочный круг в производстве фрагментированной личности? Ведь и сама экспертная деятельность способна стать звеном этой системы, как это случилось с экспертизой биомедицинских исследований, которая уже превратилась в разновидность современной индустрии. Будучи напрямую связанной с фармакологией и экспериментальными медицинскими исследованиями, такая «независимая» экспертиза способна быть товаром. И в странах с высокой коррумпированностью это закономерно превращается в реальность.

Гуманитарная экспертиза компьютеризации, как отмечает Б.Г. Юдин, имела свои этапы. Она была связана со смещением фокуса с анализа темы порабощения человека машиной на вопросы вызванной компьютеризацией безработицы, а далее на проблемы искусственного интеллекта и негативных последствий общения человека с «мыслящей» машиной [Юдин 2008, 151]. Понятно, что анализ трансформации личности при появлении социальных сетей — следующий этап в указанной эволюции. Но как возможна гуманитарная экспертиза в этой области, и каковы будут ее результаты?

Гуманитарная экспертиза в виде общественных дискуссий по данному поводу идет давно. Высказаны мнения ученых-профессионалов, педагогов, философов и пр. Но насколько будут адекватными действия власть предержащих по итогам такой экспертизы? Государству здесь противостоят не только представители науки, совершенствующей эти технологии, но заинтересованные обыватели и реальный бизнес. И если о выводах общественной дискуссии можно спорить, то прибыльность как мотив бизнеса беспорочна. И, как мы видим, се-

годня такое противостояние не в пользу гуманитарной экспертизы, имеющей, в свою очередь, фрагментарный характер.

ПРИМЕЧАНИЕ

(1) Противоположная позиция множественности души как нормы, а не патологии, обсуждается в работах Е.В. Золотухиной-Аболиной, которая показывает как позитивные оценки идеи множественности души, так и связанные с ней опасности. См. подробнее: [Золотухина-Аболина 2016].

ИСТОЧНИКИ

Золотухина-Аболина 2016 – *Золотухина-Аболина Е.В.* Здравый смысл и иррациональное // Эпистемология и философия науки. 2016. № 2. С. 176–192.

Кьеркегор 1998 – *Кьеркегор С.* Наслаждение и долг. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998.

Климова 2017 – *Климова С.М.* Гуманитарная экспертиза как факт и задача гуманитарного сообщества // Философские науки. 2017. № 4. С. 68–80.

Моль 2008 – *Моль А.* Социодинамика культуры. – М: Изд-во ЛКИ, 2008.

Ортега-и-Гассет 2016 – *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. – М.: АСТ, 2016.

Юдин 2008 – Юдин Б.Г. Технонаука, человек, общество // Век глобализации. 2008. № 2. С. 146–154.

PERSONALITY IN THE “GRIPS” OF INFORMATION TECHNOLOGY

E.V. MAREEVA

Summary

This article analyzes a problem of transformation Personality in a Modern Mosaic Culture. It is based on the work of Abraham A. Moles “Sociodynamic of Culture”. The author shows specific origins of culture of the 20th Century as different of universal culture of 17th-18th centuries. 20th Century Culture is primarily formed by the Media, so this is specified by its Mosaic Nature. The article describes the trend towards mass fragmentation of identity against the background of the development of virtual technologies, contributing to the displacement of liberty arbitrary, substitution of critical thinking flow of impressions. Superficiality and noncritical relations are characteristics of perception of the World average Man and intellectual Elite. This kind of Personality began to take shape in the 19th century, as evidenced by the analysis of the intellectual’s soul in the work of Kierkegaard “Either/Or”. There are many interests in arbitrary game where internal connection cannot exist. The article shows how the specified type of Personality is integrated in the Cultural Space, where Culture is a Merchandise, and discusses some problems of Humanitarian Expertise.

Keywords: Mosaic Culture, Network Communication, Fragmentation of Identity, Cultural Services Industry, Humanitarian Expertise.

Mareeva Elena – D.Sc. in Philosophy, Professor of Department of Social and Philosophical Sciences, Moscow State Institute of Culture.
e.v.mareeva@yandex.ru

Citation: *MAREEVA E.V.* (2017) Personality in the “Grips” of Information Technology. In: *Philosophical Sciences*. 2017. Vol. 4, pp. 89-97.

REFERENCES

Klimova S.M. (2017) ‘Humanitarian Expertise as a fact and task of the Humanitarian Community’. In: *Philosophical Sciences*. 2017. Vol. 4, pp. 68-80 (in Russian).

Moles A. (1967) *Sociodynamique de la Culture*. Mouton, Paris; La Haye (Russian Translation: LKI, Moscow, 2008).

Ortega y Gasset J. (1994) *The Revolt of the Masses*. W.W. Norton & Company (Russian Translation: AST, Moscow, 2008).

Kierkegaard S. (1992) *Either/Or: A Fragment of Life*. Penguin, London (Russian Translation: Moscow, 1991).

Yudin B.G. (2008) ‘Techno-science, Human being and Society’. In: *Age of Globalization*. 2008. Vol. 2, pp. 146-154 (in Russian).

Zolotuhina-Abolina E.V. (2016) ‘Common Sense and Rationality’. In: *Epistemology and Philosophy of Science*. 2016. Vol. 2, pp.176-192 (in Russian).